

Мударрису
Аглямову –
75 лет со дня
рождения

*Ахат
Мушинский*

Форвард татарской поэзии

145

неюбилейная заметка

КОГДА я ещё работал в аппарате Союза писателей Татарстана литературным консультантом, Мударрис Аглямов нет-нет да и заглядывал ко мне, и мы долго ли, коротко ли, но всегда заинтересованно и живо разговаривали. Думаете, о литературе, поэзии, художественном переводе? Нет... О футболе. Он любил футбол. Я – тоже.

Замечу, у литераторов это редкость. Мударрис объяснял такое положение дел просто. Все татарские писатели – выходцы из деревень, где по большому счёту сохраняются язык, обычаи и глубинная культура народа. Но там нет места футболу, тем более – хоккею. Футбол-хоккей – явление чисто городское. В ответ я замечал, что и среди городских писателей болельщиков раз-два и обчёлся.

Когда я купил дачу в Займище, он стал заглядывать ко мне на огонёк телевизора при трансляции футбольных матчей. Дело в том, что в Займище имелся участок с домом для летнего отдыха сотрудников Татарского книжного издательства, и Мударрис там, случалось, обитал. Но телевизора в «доме отдыха», видать, не было. Впрочем, точно не знаю, спрашивать «а что там у вас телевизора нет?» было неудобно. Позже Кабмин республики предоставил

нам квартиры в одном доме на проспекте Серова. Он обосновался во втором подъезде, я в – третьем.

И мы опять за чашкой чая следили у меня за футбольными матчами. Именно футбольными. На хоккей-то, может, он ходил во Дворец спорта? А международные встречи как же? – не знаю.

Трансляции матчей Мударрис смотрел самозабвенно. Конечно, говорили и о литературе, и о товарищах по перу. Но футбол всё-таки не давал больно-то отвлекаться.

Мы оба болели, безусловно, за казанский «Рубин». Среди европейских клубов пальму первенства у нас держали амстердамский «Аякс» и «Барселона». Восхищались родоначальницей тотального футбола – сборной Голландии и их лидером Йоханом Круифом (сейчас пишут: Кройф). В нашей стране по душе мне было ещё киевское «Динамо», где в своё время был капитаном Виктор Колотов, выходец из казанского «Рубина». Мударрис предпочтение отдавал московскому «Торпедо» с легендарным Стрельцом во главе.

Нередко наш поэт сравнивал футбол с шахматами, сопоставлял ходы на шахматной доске с комбинациями на футбольном поле. Не знаю, может быть, в его устах это был поэтический образ? Однако и сам грешен: бывало, прилюдно сравнивал эти, такие разные, на первый взгляд, игровые виды, за что однажды был поднят на смех литерато-

ром, который в шахматы играть не умел и футболом не интересовался, зато обладал зычным голосом.

Мударрис говорил, что футбол бывает поэтичным, а бывает сухим, приземлённым и посыпанным цементной пылью.

– В нём есть таланты, гении, но и, выражаясь поэтическим языком, графоманов, борзописцев и прочих бездарей в нём хоть пруд пруди. – И развивал мысль дальше: – По почерку игры той или иной команды я могу определить европейская она или латиноамериканская, демократический в ней строй или какой иной... Футбол – это же золотое сечение государства. Какие тут ещё нужны сравнения!

С ним интересно было следить за перипетиями футбольных сюжетов, драм, комедий... Ему нравилось вольное, раскрепощённое представление, пронизанное творческой мыслью, фантазией и подкреплённое высоким исполнительским мастерством. В принципе, поэзия Мударриса Аглямова соответствовала высоким требованиям, которые он предъявлял своей любимой спортивной игре. Его поэтический талант общеизвестен. Как-то он подарил мне книгу своих стихов с дарственной надписью. Я ответил тем же. Помню первую свою строку на титульном листе: «Форварду татарской поэзии...» Мударрис тогда внимательно прочёл посвящение и добродушно посмеялся.

